

Рязанов Даниил Сергеевичкандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры психологии
Дагестанского государственного
технического университета**Ryazanov Daniil Sergeevich**PhD, Associate Professor,
Psychology Department,
Dagestan State Technical University**Охрименко Артем Викторович**младший научный сотрудник
Института развития информационного общества**Okhrimenko Artem Viktorovich**Junior Research Fellow,
Institute of the Information Society**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
ТЕРРОРИЗМА В СССР
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.:
ОТ ОТРИЦАНИЯ К ПОНИМАНИЮ [1]****PROBLEMS OF STUDYING TERRORISM
IN THE USSR IN THE SECOND HALF
OF THE 20TH CENTURY:
FROM DENIAL TO UNDERSTANDING [1]****Аннотация:**

Настоящая статья посвящена постановке проблемы изучения терроризма в СССР. Описывается имевшая место в отечественном социально-гуманитарном знании негативная традиция замалчивания данной темы. В определенной степени она была связана как с методологическим наследием советского периода, так и с некритическим восприятием теоретических конструкций зарубежного происхождения. Авторы на базе открытых источников обосновывают тезис о наличии террористической активности в Советском Союзе, выявляет тенденции и основные ареалы распространения терроризма в стране. Представлены попытки анализа терроризма в СССР с точки зрения идеологической и тактической специфики. Исследовано существование связи тактических приоритетов субъектов терроризма и особенностей культурного контекста регионов проявления. Демонстрируется значение состояния национального вопроса при усилении террористической активности.

Ключевые слова:

терроризм, изучение терроризма в СССР, терроризм в СССР, терроризм на Западной Украине, терроризм в Закавказье, националистический терроризм, теракты в СССР, оппозиция в СССР, контртеррористическая деятельность в СССР.

Summary:

The study deals with the problem of studying terrorism in the USSR. It describes the negative tradition of Russian social and humanitarian knowledge of concealing this issue. The situation involved both the methodological legacy of the Soviet period and the uncritical perception of international theoretical constructions. Based on published documents, the authors substantiate the existence of terrorist activities in the USSR, reveals the trends in and the main areas of the spread of terrorism in the USSR. The research attempts to analyze terrorism in the USSR from the standpoint of ideological and tactical specific nature. It examines the existence of relationships between the tactical priorities of terrorism actors and the cultural context of the regions of terrorist manifestation. The importance of the state of the national issue with growing terrorist activities is shown.

Keywords:

terrorism, the study of terrorism in the USSR, terrorism in the USSR, terrorism in Western Ukraine, terrorism in Transcaucasia, nationalist terrorism, terrorist attacks in the USSR, opposition in the USSR, counterterrorism activities in the USSR.

Терроризм является глобальной проблемой, острота которой весьма ощущается и в России. Одной из предпосылок снижения террористической активности является изучение опыта решения данной проблемы, которая уже неоднократно поднималась перед российским обществом.

Обращение к традиции изучения терроризма в России позволяет сделать вывод, что терроризм как гетерогенный комплекс феноменов различной этиологии рассматривался отечественными исследователями практически исключительно как явление, не свойственное советскому периоду истории страны. Внимание сосредоточено на терроризме в царской России [2], а также всплеске терроризма во время разрушения СССР.

Замалчивание темы терроризма в СССР может быть объяснено несколькими обстоятельствами. Одним из них является тот факт, что в отечественной науке советского периода понятие «терроризм» рассматривалось как идеологическое оружие, дискредитирующее революционное насилие как способ построения коммунизма [3, с. 7, 94; 4]. В подобном идеологическом контексте изучение терроризма не могло сформироваться в качестве полноценного научного направления. Хотя отношением к «терроризму» как к идеологеме в тот период объяснимо определенное внимание к теме в рамках работ, имеющих не столько научные цели, сколько пропагандистские [5].

Другим обстоятельством, обусловившим отсутствие должного внимания к изучению терроризма в СССР в рамках советской науки, была четкая позиция, что в Советском государстве в силу его «классовых особенностей» данная проблема существовать не может по определению.

«Для советской историографии, длительное время упорно проводившей мысль о бесконфликтности общественного развития при социализме, “невиданного при буржуазии и невозможного при буржуазном строе”, ожесточенные социальные, прежде всего межнациональные, столкновения <конца 1980-х – начала 1990-х гг.> стали, в принципе, неожиданными. ...Исследователи оказались по существу не готовыми к вполне взвешенному анализу» [6, с. 4].

Перемены в методологических установках отечественной социально-гуманитарной науки, произошедшие после падения советского режима, обусловили значительные изменения в отношении исследователей к проблематике терроризма, которая в связи с нарастанием террористической активности в России превратилась в одну из весьма популярных тем. Только за 1993–2015 гг. в нашей стране по данной тематике было защищено более 120 диссертаций [7]. При этом нужно отметить, что всплеск исследовательского интереса не привел к углублению разработок сюжетов, связанных с проявлениями терроризма в СССР. Можно говорить о распространенности примеров, когда в научных работах с очевидностью наблюдается временной разрыв [8] либо тема терроризма в СССР присутствует лишь на уровне упоминания [9].

Даже в специальных работах авторы пытаются дистанцироваться от анализа данного вопроса. В частности, в диссертации В.А. Стальмахова говорится об отсутствии в качестве общественного явления терроризма в СССР. В то же время высказывается утверждение, что «большинство террористов советского времени – это одиночки, совершающие преступные действия из корыстных побуждений» [10, с. 20–21].

В качестве факторов продолжающегося доминирования подобных представлений видится не только определенное методологическое наследие, но и ряд теоретических установок, некритически воспринятых у зарубежных авторов. Одной из таких конструкций является концепция о нежизнеспособности терроризма в авторитарных и тоталитарных обществах, к которым некоторые ученые относят и СССР. Адекватность использования подобных построений весьма сомнительна в силу наличия исследований, проблематизирующих связи терроризма и демократии [11], а также конкретно-исторических работ, в которых террористическая активность рассматривается в качестве элемента деятельности ряда политических движений в СССР [12].

Следует признать, что в силу особенностей советского политического строя глобальные циклы терроризма практически не оказывали влияния на ситуацию в стране, однако террористическая активность на территории СССР имела место. Причем она наблюдалась не только на этапах становления советского режима, обретения им вида законченного в территориальном плане государства, когда террористическая активность выступала в качестве одной из форм политического насилия в деятельности многих движений, организаций (в частности, левых эсеров, «зеленоармейцев», анархистов, крестьянских повстанческих движений), буржуазно-националистических движений национальных окраин, басмачества в Средней Азии в 1920–1930-е гг. и пр.), но и в более поздние периоды.

В числе субъектов, активно использовавших террористические методы уже против сформировавшейся системы Советского государства, можно назвать следующие: «Организация украинских националистов» (далее – ОУН) и «Украинская повстанческая армия» (далее – УПА) (Украина), «Черный кот» (Белоруссия), «Лесные братья» (Прибалтика), «Черная армия» (Молдавия). Общим для них было применение насилия по отношению как к сотрудникам силовых структур, так и гражданскому населению в качестве одной из основных форм деятельности, несмотря на принципиальные идеологические несовпадения, различия в генезисе («Черный кот» была инспирирована разведслужбами нацистской Германии, УПА тесно с ними сотрудничала, «Лесные братья» частично опирались на кадры, вышедшие из национальных формирований Третьего рейха, а «Черная армия» не имела серьезного коллаборационистского следа), масштабах деятельности данных организаций (например, УПА, «Лесные братья», в которых числились тысячи человек, и «Черная армия», количество активных членов которой не превышало сотни), силе их поддержки из-за пределов страны (УПА и «Лесные братья», тесно связанные с иностранными разведками, и «Черная армия», опиравшаяся на местное население).

При этом, несомненно, размах террористической активности значительно различался. Результатом действий УПА, по разным оценкам, стали от 35 [13] до 60 [14] тысяч жертв из числа советских граждан. Только за 1945–1953 гг. на территории западных областей Украины было совершено 14 424 диверсионно-террористических акта, за 1945–1955 гг. в результате терактов погибло 17 тысяч советских граждан. В Прибалтике за 1941–1950 гг. формированиями националистов были убиты 5 155 советских активистов, «внутренние войска НКВД и подразделения Красной армии потеряли убитыми 575 и ранеными 878 военнослужащих» [15, с. 6]. С подобными цифрами контрастирует активность «Черной армии», число жертв которой исчислялось десятками.

Длившееся годами (последние активные члены указанных организаций иногда доживали до обретения бывшими советскими республиками независимости в 1991 г.) противостояние обеспечило выработку органами власти разнообразных тактических моделей антитеррористической деятельности. Сформировавшаяся система мер противодействия включала ряд элементов как

репрессивного, так и несилового характера. В частности, помимо практик войсковых операций, работы по ликвидации ресурсной базы, массового выселения сочувствующих, семей лиц, причастных к активности террористических групп, жестких судебных приговоров, операций внедрения применялись и такие шаги, как амнистирование (за 1944–1949 г. для участников ОУН – УПА было провозглашено шесть амнистий [16]).

В то же время, несмотря на разнообразные меры, принимаемые Советским государством, а также несомненные успехи в подавлении террористической активности, можно констатировать факты множества попыток создания структур, способных стать субъектами подобной деятельности, даже в период 1960–1980 г., казавшийся многим временем наибольшего благополучия СССР. «Подмороженные» активностью репрессивной и пропагандистской машин конфликты периодически прорывались наружу в различных формах, в том числе в виде террористических проявлений. Их частота возрастала по мере ослабления идеологической монополии, причем националистический окрас значительного сегмента выражений инакомыслия [17] предопределил доктринальные особенности терроризма в СССР.

Несмотря на методологические ограничения, связанные с опорой на открытые источники в обществе, где СМИ жестко контролировались, в базах данных терактов зафиксировано нарастание террористической активности в последние десятилетия существования СССР. За 1970–1991 г. в базе данных терроризма RAND Database of Worldwide Terrorism Incidents (далее – RAND) отражено 8 терактов [18], в Global Terrorism Database Университета Мэриленда (далее – GTD) – 78 [19], которые в силу особенностей этих ресурсов в большинстве случаев не совпадают.

Можно с уверенностью утверждать, что масштабы подобной активности были значительно шире, поскольку в указанных ресурсах отсутствует ряд резонансных событий. В частности, в них не упоминаются покушение на Л.И. Брежнева 22.01.1969 г., попытка угона самолета в Ленинграде 15.06.1970 г., взрывы в Москве 08.09.1977 г. и пр.

В RAND первым терактом, имевшим советскую «прописку», стало нападение на машину посольства США в Москве в 1971 г. GTD в качестве такого называет взрыв в московском метро 08.01.1978 г. Число жертв террористической активности за указанный период, согласно GTD, составило 96 погибших и 150 раненых. Самыми крупными терактами в GTD названы нападение 28.05.1990 г. с использованием автоматического стрелкового оружия боевиков Армянского общенационального движения на казарму внутренних войск МВД в Ереване, в результате которого погибли 15 человек и были ранены 43 (по данным МВД, погибли 2 военнослужащих и 14 нападавших [20]), а также подрыв пассажирского автобуса в 20 км от г. Гянджа (Азербайджанская ССР) 10.08.1990 г., когда погибли не менее 15 человек и 16 получили ранения (таблица 1).

Таблица 1 – Наиболее крупные теракты в СССР в 1971–1991 гг.

Описание	Дата	Количество	
		убитых	раненых
Взрыв самолета Ту-104 при попытке угона в КНР (РСФСР)	18.05.1973 г.	81	0
Взрывы в Москве (РСФСР)	08.09.1977 г.	7	37
Захват в заложники учащихся школы в г. Сарапуле (РСФСР)	17.12.1981 г.	0	0
Захват в заложники автобуса с детьми в г. Орджоникидзе (РСФСР)	01.12.1988 г.	0	0
Нападение на казарму внутренних войск в г. Ереване (Армянская ССР)	28.05.1990 г.	15	43
Подрыв пассажирского автобуса в 20 км от г. Гянджа (Азербайджанская ССР)	10.08.1990 г.	15	16
Подрыв пассажирского поезда около станции Хасавюрт (РСФСР)	30.05.1991 г.	11	22

Подавляющая часть террористической активности, равно как и наиболее жестокие ее проявления, фиксировалась в национальных регионах (из 16 терактов, совершенных в России, 4 были осуществлены в национальных республиках). Это также подтверждает важность национального вопроса в разрушении Советского государства (таблица 2).

Таблица 2 – География терактов в СССР в 1971–1991 гг. [21]

Территория	Количество		
	терактов	убитых	раненых
Россия	16	19	15
Нагорный Карабах	14	9	19
Армения	10	25	53
Азербайджан	10	31	56
Литва	8	6	2
Латвия	6	1	2
Эстония	5	0	1
Киргизия	4	2	0
Грузия	3	0	0
Украина	1	0	0

Обращают на себя внимание существенные территориальные различия в подходах к восприятию значения терроризма в качестве метода политической борьбы в 1980-х гг. Если в случае Прибалтики теракты в большей степени играли символическую роль, способствуя распространению мнения о непрочности режима, который рассматривался частью населения в качестве «окупационного», то в Закавказье терроризм стал одной из форм политического насилия межэтнической направленности и усугублял нагнетание обстановки, эскалацию конфликтов.

Исследование позволило прийти к следующим выводам.

1. Террористическая активность проявлялась на территории СССР практически в течение всего периода его существования.

2. Интенсивность терроризма в СССР в целом не была высокой, хотя можно говорить о том, что в основных очагах (на Западной Украине в 1950-е гг., в Закавказье в 1980-е гг.) фиксировались значительные всплески террористической активности.

3. При всей разнородности оппозиции советскому политическому строю терроризм в СССР наиболее часто проявлялся в деятельности националистических организаций или отдельных лиц, стоящих на позиции радикального антисоветизма и не имевших позитивной повестки.

4. В силу региональных особенностей на территории СССР имели место проявления различных типов терроризма (терроризм одиночек и групповой терроризм; символический терроризм как требование изменения политического курса; инструментальный терроризм как политически мотивированное насилие, направленное на дискредитацию режима, устрашение населения).

Ссылки и примечания:

1. Статья выполнена в рамках реализации гранта РГНФ № 15-37-01201 («Терроризм на постсоветском пространстве, 1991–2014 гг.»).
2. Бакаев А.А. Историография российского революционного терроризма конца XIX – начала XX в. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 387 с. ; Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.) / под ред. проф. Б.С. Итенберга. М., 2000. 395 с.
3. Грачев А.С. Политический экстремизм. М., 1986. 271 с.
4. Рыбкин А.А. Политический терроризм в провинции в 1905–1907 гг.: на материалах Костромской, Тверской, Ярославской губерний : дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2007. 267 с.
5. Асеевский А.И. Кто организует и направляет международный терроризм? М., 1982. 111 с. ; Витюк В., Эфиоров С. Левый терроризм на Западе: история и современность. М., 1987. 322 с. ; Генри Э. Против терроризма. М., 1981. 156 с. ; Международный терроризм и ЦРУ: Документы, свидетельства, факты / В. Сырокомский, Б. Светов, О. Тарин и др. М., 1982. 272 с.
6. Семенякин И.А. Государственная политика Российской Федерации в сфере борьбы с политическим экстремизмом и терроризмом: на материалах Северного Кавказа: 1991–2004 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 222 с.
7. Подсчеты автора по каталогам РГБ.
8. Тиводар А.И. Конфликтологический анализ терроризма в России: правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2001. 231 с.
9. Витюк В., Эфиоров С. Указ. соч. ; Международный терроризм ...
10. Стальмахов В.А. Терроризм как политическая проблема современного Российского государства : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Н. Новгород, 2011. 27 с.
11. Blomberg B., Hess G. The Lexus and the olive branch: Globalization, democratization and terrorism // Terrorism, economic development, and political openness / ed. by Ph. Keefer, N. Loyaza. N. Y., 2008. P. 116–147.
12. Гогун А.С. Деятельность вооруженных националистических формирований на территории западных областей УССР (1943–1949) : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. 211 с. ; Гончарук Г.И., Нагайцев А.Е. Украинские повстанцы в советской литературе и документах 1944–1953 гг. Одесса, 2004. 341 с. ; Семиряга М.И. Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. 863 с.
13. Гогун А.С. Указ. соч.
14. Семиряга М.И. Указ. соч.
15. НКВД – МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956) : сборник документов / сост. Н.И. Владимирцев, А.И. Кокурин. М., 2008. 640 с.
16. Гогун А.С. Указ. соч.
17. Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. Вильнюс ; М., 1992. 352 с.
18. RAND Database of Worldwide Terrorism Incidents [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rand.org/nsrd/projects/terrorism-incidents.html> (дата обращения: 18.12.2017).
19. Global Terrorism Database [Электронный ресурс]. URL: <http://www.start.umd.edu/gtd> (дата обращения: 18.12.2017).
20. Армения: уличные бои в Ереване // Коммерсантъ. 1990. 4 июня.
21. RAND ...